

БѢСЪ ВЪ СТОЛИЦѢ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ФАНТАЗИИ

Соч. Ивана Спиридонова.

CONFINED TO
THE LIBRARY

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1872.

L 32

from F. J. R. CARULLA,

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ издателя.

I. Въ преисподней.

II. У источника охранительныхъ началъ
и классицизма.

III. Кофейныя сцены.

IV. Чертовскій сонъ.

V. Донъ Андреа Жируетъ.

VI. Таинственный незнакомецъ.

ЦѢНА: ОДИНЪ РУБЛЬ.

БѢСЪ ВЪ СТОЛИЦѢ

(ЛИТЕРАТУРНЫЯ ФАНТАЗІИ)

СОЧИНЕНІЕ

Ив. Спиридонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. А. СОКОЛОВА, ГАЛЕРНАЯ, ДОМЪ № 6, КВ. I.

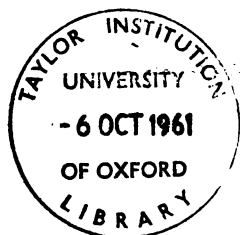
1872.

PPCP BP CLOVITP

(NIGATHAΦ RICHVTA9ETN9)

5120 1100

the Cambridge

ATNIGATHAΦ

1-15

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Начну съ лучшей изъ добродѣтелей — съ откровенности.

Надо тебѣ знать, благосклонный читатель, что я еще молодъ; скажу болѣе — я весьма молодъ, и только вчера еще прекратить жевать горькій корень ученія, съ тѣмъ, чтобы вкусить отъ сладкихъ плодовъ его, — т. е., говори по просту, оставилъ школьную скамью.

Когда кончалась крымская война и когда, съ какой-то шальной, вражеской пулей, залетѣлъ въ наше богохранимое отечество заморскій прогрессъ, — я ходилъ въ кружевныхъ панталончикахъ и только-что научился лепетать „папа“ и „мама“. Очевидно, что до тогдашняго прогресса мнѣ не могло быть ни малѣйшаго дѣла. Безъ меня онъ взросъ, вскормленный „Русскимъ Вѣстникомъ“ (ахъ! „Русскій Вѣстникъ“ былъ тогда англичаниномъ) и вспоенный стихами г. Розенгейма и прелестными *твореніями* гг. Львова, Соллогуба, Петѣхныхъ и сопр. ;безъ меня пустился въ путь, освѣщаемый „Свѣточемъ“, возженнымъ рукою г. Калиновскаго; безъ меня разразился протестами, „въ интересъ правды, добра, науки и литературы“, противъ зубодробительныхъ и иныхъ наклонностей гг. Козляиновыхъ, Камней — Виногоровыхъ и другихъ „знакомыхъ людей“;—

безъ меня обличалъ псковскихъ полицейскихъ чиновъ, устами покойнаго Якушкина, и различныхъ таинственныхъ іероглифовъ X, Y и Z, перьями гг. Стопановскихъ (имѣ-же имя—легіонъ); безъ меня-же, наконецъ, безславно рухнулъ и разсыпался тысячами дѣтскихъ погремушекъ, изъ которыхъ и былъ составленъ этотъ, только издали грандіозный идолъ...

Первая работа моей зачинающейся мысли совпала съ знаменитой эпохой начала шестидесятыхъ годовъ, когда на сценѣ литературной жизни разыгрывались нѣкоторые характерные отрывки изъ Шекспировой: „Taming of the Schrew“. Очевидно, что я опоздалъ: я пришелъ на пиръ уже тогда, когда почетными и непочетными конвивами были уничтожены всѣ яства и брашна, отягчавшія собою пиршественные столы; когда ѣсть уже было нечего, и начались разные споры и пререканія о томъ, кто съѣлъ больше... Всякій старался увѣрить другихъ въ своей *уѣренности*, и тутъ-же не упускалъ случая указать на нѣкоторыхъ состоятниковъ, которые, по его мнѣнію, во все время обѣда отличались прожорливостью и успѣли до такой степени нагрузиться либеральными кушаньями, что въ этомъ видѣ не могли уже быть терпимы въ обществѣ. Начались легонякія потасовки; дружелюбіе и согласіе уступили мѣсто нѣкоторымъ, предостаточно пакостнымъ страстямъ; изъ всѣхъ литературныхъ іцелей и ноѣвъ высунулись какія-то прозорливыя рыльца, подозрительно обнюхивая воздухъ... Мы слышали, первый разъ въ жизни, голосъ г. Краевского, который до этого времени, почему-то, считался безголосымъ; г. Аксаковъ на чемъ свѣтъ стоитъ клялъ какую-то „русляндію“, чѣмъ-то не потрафившую ему; г. Катковъ, въ благо-

родномъ негодованіи, обругалъ всѣхъ „мальчишками“ и закричалъ: караулъ!.. кто мой четвертакъ стащилъ?.. Сотни литературныхъ прихвостней, лизоблюдовъ и холоповъ подхватили этотъ кликъ и, дополнивъ нѣкоторыми пошлыми наименованіями, заимствованными изъ романа И. С. Тургенева, претворили въ нѣкоторый афоризмъ, ни чуть не потерявшій отъ этой незначительной перестройки своего дурно-пахучаго букета, составляющаго всю его пахостную сущность...

Суматоха сдѣлалась всеобщей...

Въ это-то прекрасное время я впервые сталъ знакомиться съ русской литературой...

Съ того времени, въ продолженіе послѣднихъ семи-осьми лѣтъ, я непрестанно и неутомимо слѣдилъ за русской журналистикой: радовался появленію новыхъ талантовъ на отечественномъ „литературномъ горизонтѣ“, рукоплескалъ успѣхамъ старыхъ, вдохновлялся вдохновеніемъ читаемыхъ авторовъ, проникался ихъ гражданскими и не гражданскими скорбями и негодованіями и—вообще—окунулся съ головой въ журнальные интересы. Однимъ словомъ — русская пресса производила на меня впечатлѣніе, такъ сказать, импонирующее.

Вслѣдствіе-ли юношескаго инстинкта, порождающаго нѣжныя чувства, или-же отъ какихъ-либо другихъ причинъ, только — странное дѣло! — я влюбился въ произведенія русскаго слова. Влюбился такъ, какъ влюбляются только въ семнадцать лѣтъ—горячо, безтолково, беззавѣтно... И не думайте, пожалуйста, что мнѣ нравилась какая-либо изъ журнальныхъ партій, какое-нибудь литературное направленіе; подобная симпатія

была-бы весьма естественна, и я не называлъ-бы ее влюбчивостью. Нѣтъ,—я полюбилъ *все печатное*, откуда-бы оно не исходило и что-бы ни проповѣдывало.

Для меня всѣ литераторы были равны, и я не видѣлъ никакихъ рѣзкихъ градацій между ними. Мнѣ равно были милы и дороги: и Ѳ. В. Булгаринъ, и М. Н. Катковъ — и А. А. Краевскій, и В. А. Кокоревъ — Благовѣщенскій попъ Сильвестръ и М. П. Погодинъ — И. Я. Корейша и В. И. Аскоченскій — Е. Ѳ. Заринъ и А. Ѳ. Писемскій — Микита Безрыловъ (или Тупорыловъ) и статск. совѣтн. Салатушка — Ванька Каинъ и Стебницко-Достоевскій *) — П. Д. Боборыкинъ и Вс. В. Крестовскій — В. П. Авенариусъ и Барковъ — И. А. Гончаровъ и И. С. Тургеневъ — Н. В. Кузольникъ и А. Н. Островскій — Н. А. Некрасовъ и В. К. Тредьяковскій — Д. В. Григоровичъ и Ѳ. М. Рѣшетниковъ — Г. Е. Благосвѣтловъ и Д. И. Писаревъ — Н. И. Новиковъ и М. Е. Салтыковъ — М. А. Антоновичъ и Г. З. Елисеевъ — Н. А. Добролюбовъ и авторъ „Полемическихъ красотъ“ и т. д. и т. д. — *ad infinitum*.

Но какъ всякій любовникъ, влюбленный разомъ въ нѣсколькихъ красавицъ, отдаетъ все-таки предпочтеніе

*) *Прим. наборщика.* Плохо-же, видно, знаетъ русскую журналистику г. издатель!.. Стебницкаго нѣтъ, или онъ есть, но только какъ псевдонимъ Ник. Сем. Лѣскова; а Ѳ. М. Достоевскій, смѣю увѣрить, совсѣмъ особое лицо, имѣющее свою, оригинальную литер. физиономію. Г. Достоевскій есть ех-оберъ-стрижъ; господинъ-же Стебницкій *воздоенъ* «Пчелкой» Павла Усова. Надѣюсь, есть маленькая разница! Кромѣ того, я не понимаю, съ какой стати оба почтенные литератора сопоставлены съ Ванькой Каиномъ, который никогда не былъ русскимъ литераторомъ, да и не могъ быть, сколько мнѣ кажется.

Отчего-же

Прим. издателя.

нѣкоторымъ изъ нихъ, — такъ и я имѣлъ своихъ любимцевъ между безразлично-обожаемыми мною литераторами. Этими идолами, которымъ я отдавалъ лучшую любовь моего сердца, и этими „предметами“ моей страсти—были двое: С. С. *) Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и Д. С. С. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

Иной изъ моихъ читателей, быть можетъ, подумаетъ, что я сопоставляю эти почтенныя имена лишь для того, чтобы еще больше убѣдить его и наглядно, т. е., показать ему мое безразличное отношеніе къ литературнымъ направленіямъ; но, увѣряю его, — онъ ошибется. Несмотря на ихъ литературныя тенденціи, полярно одна другой противоположныя, мнѣ кажется, что мои любимцы внутренне солидарны между собою, сходятся въ одномъ любезномъ пунктѣ, имѣютъ одну общую точку соприкосновенія. Мнѣ кажется, что оба писателя, несмотря на свое литературное несходство, походятъ другъ на друга въ одномъ: *оба не върятъ въ то, что юверятъ*; оба исповѣдуютъ извѣстныя идеи не для этихъ идей, не для жизненной ихъ правды,—а во имя нѣко-рыхъ заднихъ соображеній; оба — однимъ словомъ—держатся тѣхъ, а не другихъ убѣжденій, потому... ну, потому что это имъ, вѣроятно, нравится. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь; давно вѣдь извѣстно, что влюбленные, обыкновенно, видятъ то, чего вовсе не существуетъ, и слѣдныи надѣлать предметъ своей страсти разнообразными достоинствами и добродѣтелями, которыми этотъ предметъ отнюдь не обладаетъ. Такъ, на-

*) Сія таинственные іероглифы (С. С. и Д. С. С.) предлагаются на ученое разсмотрѣніе и неменѣе ученое разъясненіе нашимъ археологамъ-палеографамъ,—*всероссійскимъ* Шампольонамъ и Коппамъ, если таковыя, паче чаянія, гдѣ-либо отыщутся.

примѣръ, мнѣ постоянно кажется, что г. Салтыковъ не есть г. Салтыковъ, а не кто иной, какъ медиумъ, одаренный нѣкоей силою *не отъ міра сего* и способный ввергать людей въ состояніе нелѣпѣйшихъ галлюцинацій, во время которыхъ мерещится, обыкновенно, разная чертовщина: спектры и фантомы d'outre tombe, пляшущіе и изрекающіе глаголы столы, летающая по воздуху мебель и т. п. Вы скажете, можетъ быть, что это сущій вздоръ, ибо г. Салтыковъ—весьма милый и остроумный сатирикъ, нѣсколько, правда, односторонній, но обладающій несомнѣннымъ талантомъ и особеннымъ, ему одному свойственнымъ, хлесткимъ и заковыристымъ стилемъ; медиумомъ и спиритомъ онъ быть не можетъ, ибо, собственно говоря, настоящихъ медиумовъ вовсе не существуетъ, а есть только болѣе или менѣе ловкіе фокусники; личность-же фокусника и личность бывшаго фельетониста „Современника“ положительно и безусловно несовмѣстимы. Согласенъ; но все-таки стою на своемъ предположеніи, ибо, какъ вы увидите ниже, имѣю на это свои причины и основанія. Однако-же, во вниманіе къ вашимъ словамъ, я измѣню нѣсколько составъ моего предположенія и сформулирую его слѣдующимъ образомъ. Если самъ г. Салтыковъ и не обладаетъ талантомъ истаго спирита, то въ такомъ случаѣ, должно быть, въ его сочиненіяхъ скрывается нѣчто невѣроятное и сверхестественное. Подобное заключеніе я необходимо долженъ былъ сдѣлать, послѣ нѣкоторыхъ галлюцинацій, случившихся со мной, и произведшихъ во мнѣ такой сверхестественный *кавардакъ*, что я поставленъ былъ въ необходимость посоветоваться съ врачомъ.

Представьте себѣ, что какъ только я отрывалъ

первую страницу какого-либо сатирическаго произведе-
нія, то, вмѣсто того, чтобы воодушевленно слѣдить за
мыслью автора и восхищаться ахтительными *массажами*
либерализма, я становился игрушкой разных досу-
жких духовъ и фетишей. Мнѣ казалось, что печатныя
литеры начинали плясать какой-то адскій танецъ; за-
тѣмъ, построившись, какъ солдаты во фронтѣ, онѣ вне-
запно раздѣлялись на двѣ равныя части и исчезали со
страницы, которая, уподобясь на мгновеніе ока млеку
или первому снѣгу, порывисто ускользала куда-то вверхъ,
какъ занавѣсъ въ театрѣ. А со сцены, представлявшейся
тогда моимъ взорамъ, глядѣло какое-то гладко-выбри-
тое, безстрастно-суровое чиновничье лицо.

— Это что такое?!. громогласно изрекалъ этотъ
призракъ. Я нахожусь вынужденнымъ замѣтить вамъ,
молодой человѣкъ, что вы ведете себя изъ рукъ вонъ
плохо... небрежете занятіями, настоящимъ дѣломъ, а
занимаетесь... хмъ!.. какими-то праздными, дурацкими
замышленіями. Извольте выбирать любое: или дѣло-сь,
или бездѣлье... или службу обществу, или занятія ка-
кой-то тамъ... нкъ!.. *литературой*... да-сь! Я все ска-
залъ; извольте отправляться и твердо запомнить мои
слова-сь...

Слыша подобную *головомойку*, очевидно обращенную
ко мнѣ, я начиналъ дрожать отъ страху, ибо, нахо-
дясь на государственной службѣ и исправляя скромныя
обязанности канцеляриста одного присутственнаго мѣста,
я не могъ сообразить—дѣйствительно-ли это начальство
задаетъ мнѣ необходимый нагоняй, или это только, такъ
сказать, игра моего воображенія...

Но вскорѣ все это исчезало, и передо мной лежала

превосходная книга, исполненная всяческих сатирических красотъ и безукоризненного либерализма.

... Прийдя нѣсколько въ себя, я снова принимался за чтеніе и снова какая-то нечистая сила играла мной, словно малымъ ребенкомъ.

Передо мной, словно въ отдаленіи, являлась картина: одинъ изъ прелестныхъ „помпадуровъ“ — напыльскаго закала — стоитъ и багровѣетъ; багровѣетъ и сирежешетъ губами. Подчиненные трепещутъ и ждутъ приказаній. Передъ „помпадуromъ“, *уставъ браду лужаетъ*, стоитъ нѣкій *низкорослый* представитель „подлаго народа“, сирѣчь *смердь*, и глазомъ *не моргнетъ*, да еще и улыбается, ибо „шкура-то у него въ три вершка, — звона, машина кака!“!

Мало помедля, „помпадуръ“ громкимъ голосомъ провозглашаетъ: „влѣпнись-съ“!!!

И вотъ все это снова исчезаетъ, и снова передо мной безукоризненная книга, проповѣдующая *прогрессъ* и выше всего ставящая гуманныя, человѣческія отношенія...

Теперь скажите мнѣ, читатель, — не правъ-ли я былъ, говоря, что Михайлъ Васильевичъ... тѣфу! то бишь Михайлъ Евграфовичъ — нѣкій «магъ и волшебникъ, предъ которымъ самъ Боско щенокъ и мальчишка», — и что, всякому молодому, неискусившемуся челоѣку невозможно читать его произведеній, безъ того, что-бы не впасть въ нѣкую прискорбную галлюцинацію. Впрочемъ, я охотно готовъ отказаться отъ этихъ словъ и свалить все на мою впечатлительную натуру...

Но если мы, по любимому выраженію сатирика, «поглядимъ вглубь», то найдемъ, что въ этомъ случаѣ, кро-

мѣ юношескихъ увлеченій, дѣйствуютъ также, по всей вѣроятности, и нѣкоторыя соображенія, нелишennныя своего рода справедливости и логичности, и построенныя отнюдь не на пескѣ. Пройдя, такъ сказать, сквозь горнило житейскихъ испытаній, достаточно искусившись и схеронясь въ скорлупѣ пошлаго эгоизма, — намъ, — го-спода, — весьма трудно понять всю невинность молодого сердца ко всякой двуличности и актерству. А между тѣмъ, это такъ: юности свойственна самая горячая, беззаботная любовь; но она отличается, къ тому же, отъ другихъ возрастовъ, и крайней нетерпимостью ко всему, что хотя слабымъ намекомъ противорѣчитъ ея грандиознымъ идеаламъ, весьма нерѣдко диаметрально-противоположнымъ дѣйствительности. Я зналъ одного юношу, въ головѣ котораго никакъ не могла умѣститься простая и здравая мысль, что какой-нибудь, невинный ни въ чемъ кварталный можетъ честно исполнять свои обязанности, и въ то-же время быть самымъ отъявленнымъ либераломъ и безпрепятственно вольнодумствовать, выражаясь этакъ, до *pas plus ultra*. Я, разумеется, старался образумить этого сумасшедшаго юношу, и, между прочимъ, приводилъ тотъ аргументъ, что не всѣ кварталные имѣютъ одинаковое прошлое, и что случаются, порой, разныя «запутанныя дѣла», имѣющія свойство нислѣзать изъ общаго уровня разныхъ *бессовѣстныхъ* *юношей*. Но онъ и слышать ничего не хотѣлъ и, отчаянно размахивая руками, утверждалъ, что въ исторіи человѣческихъ обществъ бываютъ такія мрачныя эпохи, въ которыя люди самые обыкновенные получаютъ въ глазахъ другихъ значеніе *вольнодумцевъ*, тогда какъ они не только не вольнодумцы, но самые великодушные *благочестивцы*. Затѣмъ, онъ приводилъ